

***

Теперь, когда я сгнил и черви обглодали
До блеска остов мой и удалились прочь,
Со мной случилось то, чего не ожидали
Ни те, кто мне вредил, ни кто хотел помочь.

Любезные друзья, не стоил я презренья,
Прелестные враги, помочь вы не могли.
Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья,
Но даже черви им, увы, пренебрегли.

– Мы теперь будем всегда вместе, – говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьем. – Раз один – то, значит, тут же и другой! Помянут меня, – сейчас же помянут и тебя! Меня – подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя – сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы.

– Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, – просил во сне Пилат. И, заручившись во сне кивком идущего рядом с ним нищего из Эн-Сарида, жестокий прокуратор Иудеи от радости плакал и смеялся во сне.

Однажды Гера не увидела Зевса на троне и стала его искать. Она обратила взор на движущееся у самой земли темное облако. «Уж не там ли Зевс?» — подумала богиня и стала рассеивать облако. А Зевс и в самом деле, прячась под облаком, преследовал царскую дочь Ио, изгнанную отцом из дома по воле его же, Зевса! Увидев, что облако рассеивается, он сразу понял, что это дело рук Геры, и превратил Ио в белую корову. А Гере сказал, что просто любитесь этим красивым животным.

— Подари ее мне, — сказала Гера.

Зевсу ничего не оставалось, как выполнить эту просьбу. И богиня увела соперницу, вынужденную теперь ходить на четырех ногах. Сторожить Ио богиня поручила стоглазому чудовищу Аргусу. Когда два его глаза спали, остальные девяносто восемь бдительно смотрели вокруг.

Зевс призвал Гермеса и попросил найти способ выручить Ио. Гермес спустился на землю неподалеку от Аргуса, стал пасти овец и наигрывать на флейте. Чудовищу было очень скучно. И Аргус попросил Гермеса сесть поближе. Хитрец расположился рядом и стал наигрывать колыбельную. Аргус впервые закрыл все свои глаза и глубоко уснул. Гермесу только это и надо было: одним ударом меча отрубил голову Аргусу.

Гера очень огорчилась, оттого что потеряла такого верного слугу. Она собрала все глаза чудовища и поместила на хвост птицы. Так что роскошный хвост павлина украшают глаза Аргуса.

Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит... все наше достоинство состоит в мысли.

***

Художник был горяч, приветлив, чист, умен.
Он знал, что розовый застенчивый ребенок
Давно уж сух и желт, как выжатый лимон;
Что в пульсе этих вен — сны многих погребенных;
Что не брабантские бесценны кружева,
А верно, ни в каких Болоньях иль Сорбоннах
Не сосчитать смертей, которыми жива
Десятилетняя.

Тлел перед ним осколок
Издерганной семьи. Ублюдок божества.
Тихоня. Лакомка. Страсть карликов бесполох
И бич духовников. Он видел в ней итог
Истории страны. Пред ним метался полог
Безжизненной души. Был пуст ее чертог.

Дуэньи шли гурьбой, как овцы. И смотрелись
В портрет, как в зеркало. Он услышал поток
Витиеватых фраз. Тонуло слово «прелесть»
Под длинным титулом в двенадцать ступеней.
У короля-отца отваливалась челюсть.
Оскалив черный рот и став еще бледней,
Он проскрипел: «Внизу накормят вас, Веласкец».
И тот, откланявшись, пошел мечтать о ней.

Дни и года его летели в адской пляске.
Всё было. Золото. Забвение. Запой
Бессонного труда. Не подлежит огласке
Душа художника. Она была собой.
Ей мало юности. Но быстро постареть ей.
Ей мало зоркости. И всё же стать слепой.

Потом прошли века. Один. Другой, И третий.
И смотрит мимо глаз, как он ей приказал,
Инфанта-девочка на пасмурном портрете.
Пред ней пустынный Лувр. Седой музейный зал.
Паркетный лоск. И тишь, как в дни Эскуриала.
И ясно девочке по всем людским глазам,
Что ничего с тех пор она не потеряла —
Ни карликов, ни царств, ни кукол, ни святых;
Что сделан целый мир из тех же матерьялов,
От века данных ей. Мир отсветов златых,
В зазубринах резьбы, в подобье звона где-то
На бронзовых часах. И снова — звон затих.

И в тот же тяжкий шелк безжалостно одета,
Безмозгла, как божок, беспорна, как трава
Во рвах кладбищенских, старей отца и деда,—
Смеется девочка. Сильна тем, что мертва.